

«Ла Скала» ОЧАРОВАН

КЛАУДИО АББАДО — музыкальный руководитель и постоянный дирижер театра «Ла Скала». Имя его широко известно не только в европейской, но и мировой музыкальной среде. Он дирижировал лучшими оркестрами в Западном Берлине, Лондоне, Париже, Нью-Йорке... Теперь наряду с работой в «Ла Скала» он еще и постоянный дирижер симфонического оркестра Венской филармонии. Ему сорок один год, он отец троих детей, старшему сыну уже шестнадцать лет, младшему — всего три месяца. Но, несмотря на столь младенческий возраст, младший приехал вместе с отцом на гастроли в Москву.

Мы встретились с Клаудио Аббадо в день последнего гастрольного спектакля, которым закончился в Москве праздник итальянской оперы, длившийся целый месяц.

— Господин Аббадо, не утомили ли вас в ваших коллег московские почитатели «Ла Скала» своими настойчивыми просьбами показать как можно больше спектаклей? Ведь вам нередко приходилось давать два спектакля в день. Это большая нагрузка...

— Такая усталость приятна. Эти гастролы были не только трудной, напряженной работой — и утомительной, конечно... Они были еще для нас и большим праздником. Мы видели, что московская публика в восторге от наших спектаклей, покорена искусством наших лучших солистов, неистощима в своем энтузиазме видеть, слышать нас. Это прибавляло сил. И мы охотно согласились работать еще больше, еще напряженнее. Это было нам по сердцу...

— Каждый из пяти спектаклей, показанных «Ла Скала» в Москве, имел успех. Но, мне кажется, что на сей раз всеобщим вниманием были окружены «Норма» и «Аида»...

— Это вполне естественно. И «Норма» и «Аида» и «Тоска» — оперы, в которых успех целиком зависит от исполнителей главных партий, от их вокальных, музыкальных возможностей. Только выдающаяся певица может голосом передать весь насыщенный, трагический драматизм чувств, который захватывает нас целиком и преобразует нашу душу, вызывает участие и страдание.

И когда Норму поет великая Монсерра Кабалье — это всегда потрясает. Или когда Амнерис поет Фьоренца Коссотто, Аиду — Джильда Круц-Ромо, Тоску — Райна Кабаиванска, партию soprano в «Реквиеме» — Катя Риччарелли, вы испытываете высшее наслаждение, какое только может принести театр.

Иное дело такой спектакль, как «Золушка». Здесь успех зависит уже не только от солистов, но и в целом от ансамбля исполнителей. В «Золушке» как в мозаичном полотне, каждый сколок должен стать частью целого произведения. Эта опера — игровая, артистичная, комедийная, в ней все должно искриться весельем, юмором, перемешанным с пеленой... Такова сказка — такова и опера. Ее так и надо сыграть. И если мы услышали в Москве много восторгов, много теплых слов об этой опере, то, конечно же, их целиком должны приписать и Лючия Валентини Террани, и Луиза Альва, и Паоло Монтарсоло...

— Дов Манифико у Паоло Монтарсоло получился, по-моему, блестящий...

— Да, он замечательный комедийный актер, хотя вроде бы комедийный — это

больше от комедии, чем от оперы... Не так ли? Но каждый сидящий в зале понимает его шутки, козни, уловки, глупости, которыми бесконечно занят дон Манифико. И все это у него выражено жестом, словом, голосом, как у оперного певца. Или нежная, очаровательная Золушка в исполнении Лючия Валентини Террани.

— В этом спектакле интересная роль и у мужского хора — роль действующая...

— Именно такой мы ее видели с самого начала. И хормейстер Романо Гандольфи — музыкант с большим вкусом, и режиссер Жан-Пьер Поннель сумели сделать спектакль интересным, ансамблевым...

— Какие из традиций, заложенных Тосканини в оперном искусстве «Ла Скала», вы стремитесь поддерживать в театре и сегодня?

— Из всех дирижеров, которых я знал и знаю, не было музыканта крупнее, чем Тосканини. Однако было бы ошибкой повторять его, каждый из нас — индивидуальность, каждый по-своему живет и чувствует музыку. Но именно он преподавал нам прекрасный урок: хранить верность партитуре, тексту, строго, четко, ревниво следовать за мыслью автора. Тогда нас ждет успех. Мы довольно часто работу над оперой начинаем с авторской партитуры и, как редакторы, очищаем ее от наслоений времени. Это отправная точка для каждого музыканта, певца «Ла Скала». И это нам завещал Тосканини.

— Каким вы видите «Ла Скала» в ближайшие годы, что вам хотелось бы сделать в нем как музыканту и руководителю?

— В последние годы мы переживаем в «Ла Скала» большие перемены. К нам пришла новая публика — рабочие, студенты, молодежь. У нас возникли новые контакты с нашими слушателями, более демократичные, широкие, может быть, даже и более творческие.

— Чем продиктовано отыскание этих новых контактов?

— Внутренней потребностью всего коллектива театра и его руководства. Только удовлетворение вкусов социальной элиты вызвало некий творческий спад, театр стал постепенно обрывать рутину. Нужны были коренная ломка, прилив новых сил. Мы сделали театр доступным для самых широких слоев миланской публики, стали устраивать спектакли за сходную плату для рабочих, молодежи. И не только спектакли — мы ввели для них циклы симфонических концертов видных композиторов с участием лучших мировых исполнителей. На этих концертах мы ведем диалоги с публикой, исполняем произведения современных композиторов. Все это нашло у людей успех небывалый.

Мне кажется, что музыка имела более ускоренное развитие в XX веке, чем все остальные виды искусства, чем литература. В музыке более полно, ярко

отразилось духовное богатство нашего века. И помочь людям, миллионам простых людей понять музыку, воспринять ее как живительную влагу души — задача для каждого музыканта важнейшая.

Я не делаю исключения для себя, когда всячески способствую отысканию этих новых контактов, форм общения с массовым любителем музыки. «Ла Скала», по-моему, многое может сделать в пропаганде музыки не только у себя дома, в Милане, но и во всем мире. Гастролы в Москве (при таком фантастическом стечении самых разных людей) — лучшее тому свидетельство.

— Как часто ваш театр обращается к русской опере?

— Интерес к русской музыке, русской опере у «Ла Скала» был всегда. И во времена, когда пел Шаляпин, и когда у нас, кстати, совсем недавно гастроллировал Большой театр. Конечно, великий Шаляпин — большая редкость, но и сейчас есть певцы, способные спеть такую сложную и интересную партию, как Борис Годунов. И два года назад эта опера шла у нас целый сезон. Бориса пел Руджеро Раймонди, и очень неплохо.

Я собираюсь поставить «Саламбо» и «Хованщину» Мусоргского. «Хованщина» шла у нас и прежде, но мне хотелось поставить ее в новом виде, чтобы она действительно предстала народной драмой, действием мощным и впечатляющим. Собираюсь восстановить «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева, «Катерину Измайлову» Шостаковича...

В программах моих концертов довольно часто звучит русская музыка, особенно Прокофьева. Кантата «Александр Невский», «Классическая», Третья, Пятая симфонии, фрагменты из балета «Ромео и Джульетта». И где бы я ни исполнял, в Вене, в Филадельфии, Сан-Франциско, Берлине, Париже или Риме, всегда эти произведения имеют успех у публики. Это музыка больших чувств, большой человеческой мысли.

— Можно ли сказать, что музыка — ваше самое большое и единственное увлечение, которому вы отдаете все свое время?

— Нет-нет, только музыки мне мало. (Клаудио Аббадо мягко улыбнулся). Круг моих интересов куда шире. Жизнь полна интересного, и всему я отдаюсь с увлечением. Музыка, несомненно, имеет привилегию, но не занимает меня целиком, иначе сама жизнь будет беднее, а в чем-то и духовно беднее...

— С какими впечатлениями вы уезжаете из Москвы?

— Самыми приятными. Мы очарованы Москвой, приемом, поклонниками итальянской оперы. Мы очень рады, что побывали здесь. Все, что нам показали, было интересным. И месяц, что мы провели в Советском Союзе, я никогда не забуду.

Беседу вел А. ЛАРИОНОВ.